

Сингулярность каждый раз отрезана от всего остального мира, но вместе с этим всегда имеет отношение к чему-либо, временно или пространственно. Сингулярность тем самым создает ситуацию со-бытия. Социальное постоянно *дезистигует* (воздерживается) от абсолютного присутствия. Неслучайно в своей социальной философии Л. П. Карсавин выделяет в бытии социальной личности сложную иерархию: от социальных эфемерид до периодических и постоянных личностей, где, соответственно, **социальные эфемериды** – это случайное и недолгое общение незнакомых людей, объединенных одним чувством или импульсом (толпа, митинг); **периодическая личность** есть личность, бытийствующая определенный период (партийный съезд, соревнования), а **постоянная личность** – это социальная форма, образующая основу преемственности.

Таким образом, общество – всегда сосуществование поверхностного (случайного), статического и динамического, самодовлеющего и функционального. В силу этого и встает вопрос о социальной идентичности и постоянной интерпретации социальных процессов и тенденций.

Примечания

- ¹ См.: Луман Н. Общество как социальная система. М., 2004. С. 18.
- ² Там же. С. 45.
- ³ Там же. С. 46.
- ⁴ Там же. С. 47.
- ⁵ См.: Керимов Т. Х. Неразрешимости. М., 2007. С. 3.
- ⁶ Панарин А. С. Смысл истории // Вопр. философии. 1999. №9. С. 5.
- ⁷ Карсавин Л. П. Философия истории. СПб., 1993. С. 27.
- ⁸ Там же. С. 180.
- ⁹ Керимов Т. Х. Поэтика времени. М., 2005. С. 27.
- ¹⁰ Там же. С. 159.

УДК 101.8

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ СЛОЖНОСТЬ НАУКИ ОБ ОБЩЕСТВЕ (метафилософский анализ)

Е. И. Беляев

Саратовский государственный университет
E-mail: seriuxxx@mail.ru

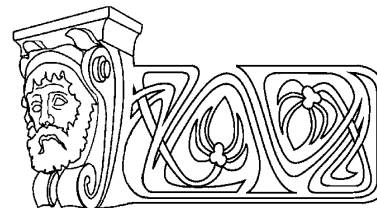
В статье рассматриваются проблемы демаркации и отношения между историей и философией социологии, их влияния на самоопределение социологии и обновление социальной философии.
Ключевые слова: история социологии, философия социологии, парадигмы, сравнительный анализ различных социологических парадигм, построение социологической теории.

Methodological Complexity of the Science of Society (Metaphilosophical Analysis)

E. I. Beliaev

In article are considered problems of demarcation and the relations between history and philosophy of sociology and of their influence upon self-realization of sociology and renewing of social philosophy.
Key words: philosophy of sociology, history of sociology, paradigm, comparative analysis of different sociological paradigms, construction of sociological theory.

История и философия дополняют друг друга предметно, но их методологии конфликтуют. В последние годы возрождение

нарративизма в истории социологии и стремление философии социологии опереться на исследование примеров (case studies) сопровождалось обновлением этого конфликта. Отчасти этот конфликт связан с существованием неправильных утверждений по поводу методологии исследования примеров. Утверждается, что: а) теоретическое знание более ценно, чем практическое; б) невозможно вывести общее из единичного примера, и поэтому исследование единственного примера не может содействовать развитию науки; в) исследование примера полезно для выдвижения гипотез, тогда как для их проверки и построения теории более подходят другие методы; г) исследование примера содержит предубеждение против верификации; д) час-

то трудно суммировать исследования специфического случая. Объяснение и корректировка этих утверждений позволяют вслед за Т. Куном сделать вывод, что научная дисциплина без большого числа подробно выполненных исследований примера является неэффективной.

Однако тяготение современной философии социологии к методологии истории, поскольку последняя несет номотетическую и идеографическую нагрузки при исследовании примеров, поставило ее в парадоксальную ситуацию: чем точнее история, тем неопределеннее философия¹. Анализ этой ситуации приводит к выводу, что философия социологии должна выработать собственный методологический проект исследования примеров, потому что его отсутствие мешает, с одной стороны, самоопределению социологии, а с другой – обновлению самой социальной философии.

Философия социологии не имеет специфической историографии, поэтому философы проводят анализ исследования примеров по стандартам истории, из-за чего они попадают в парадоксальную ситуацию конфликта нарративного (повествовательного) в истории социологии и нормативного (обобщающего) в философии. В результате философия социологии, полагаясь на методы истории, подрывает возможности философского анализа.

Конечно, история и философия социологии предметно пересекаются. Представители и той, и другой дисциплин исследуют метафизическую категорию «причинность», эпистемологическую категорию «свидетельство», методологическую категорию «объективность», логическую категорию «корректная аргументация», метафилософскую категорию «природа социального», однако у истории и философии разные интересы, и это относится как к истории социологической науки, так и к философии социологии. Мысль историков социологии обращена в прошлое, и они задаются вопросом, что происходило в данной науке в данную эпоху. Философы же интересуются тем, прав или нет социолог в его рассуждениях о мире социального, ищут средства оправдания этих

рассуждений. Многие философствующие социологи (если не большинство) убеждены, что наука обеспечивает самые лучшие средства открытия истин в социальном мире и конкретного описания общества.

У историков социологии и философов социологии разные не только интересы, но также темы и вопросы. Истории историков социологии пишутся в контексте их презумпции и выбора: они должны иметь предмет и перспективу, определяемые точкой зрения историков. Философы же сосредотачиваются на проблемах, подчиняющихся логическому и концептуальному анализу, позволяющему вскрыть их (проблем) общие принципы. Одной из самых важных функций таких принципов является нормативная рекомендация как основание практического действия. В 1942 г. К. Гемпель в статье «Функция общих законов в истории» заявил, что история, если она хочет быть наукой («приносить новое знание»), должна отказаться от нарративов (повествовательных объяснений или дескриптивной методологии) в пользу номологической (основанной на общих законах) модели объяснения и предсказания, принятой в естествознании².

Современная философия социологии началась с публикации книги П. Уинча «Идея социальной науки» в 1958 г., которая вместе со статьей Гемпеля обозначила канву методологического спора историков и философов и разделила историков и историографов на два лагеря³. Историографы и следовавшие им историки отвергли модель Гемпеля как «позитивистский» реликт (несмотря на то, что историография является таким же «реликтом»). Это отвержение было основано не на внутренней противоречивости модели Гемпеля, а на основании ее несоответствия пониманию историками социологии их собственной практики. Согласно нарративистам, обобщение не только не нужно, но и нежелательно для такой практики.

Сегодня нарративисты отождествляют повествование с самой историей, считают его средством символизации событий, без которого не может быть выражена их историчность. Но если повествование черпает свои объяснительные возможности из частных,

то аргументация Гемпеля преследует философские цели – искать обобщения, уместность которых измеряется успешно обоснованными нормами философской, методологической и научной практики. Так, И. Лакатос попытался интегрировать историю в свой философский анализ, однако методологическая склонность к обобщениям, в конце концов, увела его прочь от исторически обоснованных исследований примеров⁴. В противовес ему философствующие социологии часто и плодотворно используют исторические примеры, причем плодотворность определяется тем, что философы не замыкаются на отдельных эмпирических фактах, а допускают их свободное построение и идеализацию. Еще Э. Дюркгейм интересовался в социологии не столько поступком самим по себе, а максимой (нормой), которая его определяет, на языке Дюркгейма – «социальным фактом». Метод исследования примеров, опирающийся на историю, появился в социальной философии, в частности в философии социологии, после коллапса логического позитивизма, а его цель – переформулировать традиционные эпистемологические проблемы социологии с учетом истории.

Историзированная философия социологии должна конфликтовать с «эмпирическими» фактами, чтобы оправдать теоретические построения. Однако «эмпирическое» у того же Лакатоса имеет не такой смысл, как в естествознании. Философское использование исследования примеров возможно не только в истории социологии, но и в этике (как у Канта), метафизике и даже в логике, где исторические факты нерелевантны. Тем не менее историзированная философия социологии по своему замыслу иначе связана с историко-эмпирическим миром, нежели другие философские дисциплины. Она черпает свою нормативную силу из: 1) обобщения способности распространяться на новые, еще не исследованные примеры (это касается всей философии социологии); 2) эмпирического обоснования историческими фактами. Ее нормативная сила коренится в опыте, а не в чистом или формальном разуме. Таким образом, современный философ социологической науки обязан выходить за пределы лакато-

совских «рациональных реконструкций» истории в область подлинной истории, но здесь его подстерегают трудности нарративизма.

Философы социологии, даже если они принимают методологические стандарты историков, не расположены заниматься именно исследованием примеров. И хотя в случае исследования примеров трудно представить отличие философской методологии от исторической, это затруднение не является доказательством отсутствия такого отличия. Сама парадоксальность ситуации должна стимулировать философов социологической науки пересмотреть современные методологические предубеждения нарративизма. Должна быть выработана специфическая философская методология исследования примеров. Можно продемонстрировать эти выводы на примере рассмотрения творчества Т. Куна, который совершил революцию в философии науки, заменив логическое описание структуры научного знания историческим объяснением парадигм.

Опыт Куна важен, ибо развитие социологии требует новых парадигм. Эти парадигмы представляют собой вызовы, которые имеют последствия не только для планирования исследовательского поиска в самой социологии, но и для практики социального философствования. В результате профессиональная деятельность социофилософа требует понимания природы социологического знания посредством использования современных положений историзированной метафилософии науки, одним из которых является прочно укоренившаяся вера, что наука – это, прежде всего, методология. Чтобы инициировать дискуссии по пересмотру природы социальной науки и идеи самой социальной науки, можно предложить рабочее определение науки об обществе, которое, с одной стороны, определяет её как общую систематизирующую деятельность, но не задающую общую методологию, а с другой – как попытку выделить и продвинуть разработку нормативной базы науки об обществе. И все было бы хорошо, если бы не то обстоятельство, что понятие парадигмы, которое Кун изложил в работе «Структура научных революций», по его же признанию, не подходит

для социальных наук. В предисловии к этой книге он объясняет, что сформулировал понятие парадигмы как раз для того, чтобы отличить социальные науки от наук естественных⁵.

Французский социолог М. Догэн развил первоначальный тезис Куна о том, что в социальных науках не существует никаких парадигм, указав, что причинами этого являются полисемичность понятий, сознательное взаимное игнорирование и разногласия ученых, работающих в этих областях знаний, а также плодovitость школ в этих дисциплинах. Догэн приводит многочисленные примеры отсутствия парадигм в социальных науках, в частности, в социологии, доказав этим плодотворность метода исследования примеров⁶.

Известно также и то, что после 1970-х гг. Кун пришел к выводу о тесной близости между науками естественными и социально-гуманитарного цикла. В очерке «Естественные и гуманитарные науки» (1989) он обратил внимание на герменевтическое измерение естественных наук и сходство между естественными и социально-гуманитарными науками⁷. В этом очерке он переименовал парадигму, назвав ее «герменевтическим ядром», но, к сожалению, не разъяснил точный смысл этого термина. Однако его успешное парадигматическое объяснение научного изменения побудило ученых из других областей адаптировать идеи к их дисциплине. Социолог Г. Ритцер является одним из тех, кто применил подход Куна к социологии, однако его «множественные парадигмы» не являются парадигмами в куновском смысле, они – всего лишь полезные, но произвольные категории социологов-теоретиков⁸. Также его четыре уровня социологического мышления, как он их описал, не превращаются в интегрированную социологию, они всего лишь полезные, но произвольные классификации социальных теоретиков.

Парадигматическая структура, которая для Куна была главной причиной успеха науки, является фактически вредной для тех приложений, на которые рассчитана социальная теория. Уровень сложности социальных взаимодействий гораздо выше уровня

сложности взаимодействий физических наук, так как всеобщность, характерная для понятий, пронизывающих физические науки, является в случае общества просто недоступной. Более того, природа этой сложности такова, что, если и когда сложности социальной динамики, действительно, становятся доступными, они могут просто оказаться нерелевантными.

Успех, которого социологи достигли в поиске ответов на социальные вопросы, был связан с развитием большого многообразия эклектических теорий «среднего уровня», правдоподобность которых заключается только в их релевантности в отношении тех проблем, решать которые они были предназначены. Глубинные механизмы, которые делают это возможным, наилучшим образом описываются через подход к сложности, пионером которого стал американский исследователь Р. Розен, и этот подход заключается в том, что развитие описаний среднего уровня приводит к тривиальным ошибкам в приложении к специфическим и уникальным проблемам⁹.

Итак, история и философия дополняют друг друга и переплетаются в объяснении сложной сети социальных фактов, порождая вопрос о том, что же требуется для методологии историзированной философии социологии. Одно явное требование – это критерий (или их совокупность), который можно использовать для исключения идиосинкразических характеристик ученых и ситуаций, в которых они живут. Философ социологической науки не обязан считать уникальной любую ситуацию. Второе требование: для философа важна не максима «Был только один историк науки – автор методологии парадигм Т. Кун» (эта максима важна для историка), а максима «Кун был постпозитивистом XX в.» или «Чтобы быть хорошим историком науки, надо размышлять над теорией». Современная философия социологической науки доверяет методу исследования примеров, но он пока противоречит целям философии. Дисциплинарный прогресс совпадает с дисциплинарным методологическим консенсусом, что подтверждается и историей, показывающей, что соперничество мето-

дов ведет к дисциплинарному разладу. Разумно ожидать, что прогресс историзированной философии социологии будет зависеть от достижения методологического консенсуса, но именно поэтому ей нужен собственный метод: история имеет значение, но вовсе не без метода.

С этим фактом связаны обновление и смена ориентиров в современной социологии, когда приоритетное место в общественной жизни все чаще отдается индивиду¹⁰. Анализ причин этих изменений в социологической науке порождает необходимость синтеза социологии, психологии и философии.

На протяжении последних 30 лет исследователи в большей или меньшей степени дистанцировались от классической социологии и обращались к новым инструментам анализа – таким как парадигмы. Причина тому – глубокие изменения в обществе, которые произошли с тех пор, как закладывались основы социологии. Прежде всего, перемены связаны с кризисом 70-х гг. XX в. Обзор теоретической социологии последних десятилетий позволяет выделить ее следующие основные темы: критика модерна и наступление эпохи субъективности и рефлексии; отсутствие определенности и культурный вакуум, что делает современное общество более сложным (отныне социальное поведение не детерминируется обществом непосредственно); в подобном мире процесс формирования общества идет постоянно, поэтому в него возвращается актер; эта трансформация способствует наступлению эпохи индивида (эго, нарциссизма, гипериндивидуализма); стремление последнего быть субъектом осложняется кризисом идентичности (индивид не уверен в себе, он множественен, находится в постоянном поиске признания в мире презрения и рисков); на данном фоне границы между социологией, психологией и философией становятся все более размытыми.

Все это означает, пишет французский социолог Г. Бажуа, что «для современных социологов место индивида в общественной жизни – и как актора (т.е. в его отношениях с другими), и как субъекта (т.е. в его отношениях с самим собой) – стало значительнее,

чем прежде, что обусловлено изменениями во всех сферах отношений (семья, школа, работа, религия, политика, досуг)»¹¹. Он предлагает рассматривать данный факт как основание для трактовки индивида в качестве центрального принципа объяснения в нынешней социологии: необходимо отказаться от заблуждения предшествующего поколения социологов, полагавших, что индивидуальное «вращается» вокруг общественного, признав обратное.

При ответе на поставленный вопрос (каким образом индивид может стать доминантой социологического подхода) следует исходить из смены культурных моделей в обществе, а именно – смены индустриальной, или модели рациональной современности «идентичностной», или моделью субъективистской современности, которая побуждает членов общества к самореализации и проявлению себя в качестве индивида-субъекта-актера¹². При этом социальная обусловленность поведения не только не ослабевает, но, напротив, усиливается, становясь вместе с тем менее механической и более опосредованной. Это происходит потому, что, с одной стороны, в обществе сосуществуют две культурные модели (нисходящая и восходящая), что оставляет простор для неопределенности, с другой – потому, что вторая из этих моделей рассматривает в качестве главного культурного ориентира именно индивида-субъекта-актера.

Для создания общей социологической теории, связывающей индивида с обществом, целесообразно интегрировать существующие теории на основе универсального понятия социального¹³. Задача такого синтеза не в том, чтобы мыслить четко, а в том, чтобы мыслить свободно. В конечном же счете, необходимо не просто объяснить мир, но изменить его.

Выполнено в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 годы» (ГК 02. 740.11. 0592)

Примечания

¹ См. : Pinnick C., Gale G. Philosophy of science and history of science // J. of General Philosophy of Science / Zeitschrift für Allgemeine Wissenschaftstheorie. 2000. Vol. 1, № 31. P. 109.

- ² См. : Гемпель К. Логика объяснения. М., 1998. С. 16–31.
- ³ См. : *Winch P.* The Idea of Social Science and its Relation to Philosophy. L., 1958. P. 1–3.
- ⁴ См. : Структура и развитие науки. М., 1978. С. 203–235.
- ⁵ См. : *Kuhn T. S.* The Structure of Scientific Revolutions. Chicago, 1962. P. X.
- ⁶ *Dogan M.* Paradigms in the Social Sciences // International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences. 2001. Vol. 16. P. 11023–11027.
- ⁷ См. : The Interpretative Turn: Philosophy, Science, Culture / eds. D. R. Hiley, J. F. Bohman, R. Shusterman. Ithaca, 1991 ; *Kuhn T. S.* The Road Since Structure // Philosophical Essays (1970–1993) with Autobiographical Interview / eds. J. Conant, J. Haugeland. Chicago, 2000.
- ⁸ См. : *Ritzer G., Goodman D.* Sociological Theory. Boston, cop. 2004. XXIV.
- ⁹ Цит. по : *Rashevsky N.* Outline of a Unified Approach to Physics, Biology and Sociology // Bulletin of Mathematical Biophysics. 1969. Vol. 31. P. 159–198.
- ¹⁰ См. : *Bajoit G.* Le renouveau de la sociologie contemporaine // Sociologies. 2008. 27 avril. [Электронный ресурс]. URL : http://sociologies.revues.org/index_873.html (дата обращения : 12.01.2010).
- ¹¹ Ibid. P. 3–12.
- ¹² Ibid. P. 8.
- ¹³ См. : *Ferrara A.* The Idea of a Social Philosophy // Constellations. 2002. Vol. 9, №3. P. 8.